

Международное и внутри- государственное право

СОГЛАСОВАНИЕ НОРМ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

Б.Л. З и м н е н к о*

В российской юридической науке широко признано, что международное и внутригосударственное право представляют собой самостоятельные нормативные системы, находящиеся в постоянном взаимодействии между собой.

Как справедливо отмечал профессор Е.Т. Усенко, “советская доктрина международного права исходит из того, что международное право и право внутригосударственное представляют собой две самостоятельные правовые системы, не подчиненные одна другой”.¹ Профессор С.В. Черниченко подчеркивает, что “для нас важен принцип, а он достаточно ясен. Объективные границы международного права указывают на то, что международное право и внутригосударственное право — различные правовые системы, не имеющие примата одна над другой, действующие в различных плоскостях, в различных юридических измерениях”.²

Самостоятельность указанных систем определяется объектом правового регулирования, субъектным составом, методом принуждения и создания правовых норм. Национальное право регулирует отношения, складывающиеся между субъектами внутригосударственного права. К примеру, в соответствии с Гражданским кодексом РФ Российская Федерация, ее субъекты, муниципальные образования в лице соответствующих органов, граждане и юридические лица являются субъектами гражданского права. В свою очередь, как отмечает профессор В.И. Кузнецов, “международное право является особой правовой системой, состоящей из принципов и норм, регулирующих отношения между ее субъектами”.³ Профессор Р.А. Мюллерсон подчеркивает, что “наиболее полным, по нашему мнению, было бы деление общественных отношений в зависимости от их связи с государством на

*Кандидат юридических наук.

три категории: 1) межгосударственные отношения; 2) международные отношения негосударственного характера; 3) внутригосударственные отношения... Если межгосударственные отношения регулируются нормами международного права, то сторонами последних двух являются субъекты национального права”.⁴

Таким образом, международное и внутригосударственное право являются самостоятельными нормативными системами. Из указанного положения вытекает два важных вывода: а) внутригосударственный нормативный акт не может являться источником международного права; б) международный договор или обычай не являются источниками внутригосударственного права. Однако, то обстоятельство, что норма международного права не может непосредственно являться моделью для поведения граждан и юридических лиц, не означает, что международное право вообще не может оказывать регулирующего воздействия на внутригосударственные отношения. Нормы международного права могут быть использованы при регулировании отношений внутри государства, но это происходит исключительно при помощи национального права. Р.А. Мюллерсон указывает, что “международное право в целом, за исключением тех норм, которые адресованы международным организациям, осуществляется при содействии национального права”.⁵

Следовательно, международное право может регулировать внутригосударственные отношения и, следовательно, применяться судебными органами только в том случае, если государство с помощью национального права санкционирует такое действие норм международного права. Государство тем самым наделяет нормы международного права юридическим свойством регулировать отношения между субъектами национального права.

Данный процесс происходит с целью согласования норм международного и внутригосударственного права. Как подчеркивает профессор С.В. Черниченко, сущность согласования “всегда одинакова: приведение государством своего внутреннего права в соответствие с международным с целью обеспечить выполнение предписаний, дозволений и запретов, установленных последним”.⁶

Необходимо отметить, что российская юридическая литература неоднозначно именуется процесс согласования норм внутригосударственного и международного права. Наиболее часто предлагаются следующие термины: “рецепция”, “трансформация”, “национально-правовая имплементация” или просто “имплементация”. Практически все авторы понимают под этими наименованиями механизм осуществления (реализации) норм международного права. Р.А. Мюллерсон указывает, что “национально-правовая имплементация является способом реализации норм международного права”.⁷ Профессор А.С. Гавердовский отмечает, что “в международном праве для обеспечения понятия “осуществление” норм международного права широкое распространение получил термин “имплементация”.⁸ В.Г. Буткевич обращает внимание на то, что “трансформацию следует рассматривать прежде всего как юридическую форму связи двух систем права”.⁹

Представляется, что процесс реализации норм международного права в порядке согласования международного и внутригосударствен-

ного права было бы логичным именовать национально-правовой имплементацией. Понятие имплементации (реализации) шире по объему и включает в себя как национально-правовую имплементацию, так и иные механизмы реализации международно-правовых норм, не связанные с согласованием норм международного и национального права. Трансформация является механизмом, благодаря которому нормы одной системы становятся нормами другой системы. Однако, согласование норм международного и внутригосударственного права может и не влечь за собой появление в национальном законодательстве новых внутригосударственных нормативных актов, а в праве — новых норм, к примеру, как это происходит в результате действия отсылочных норм (п. 4 ст. 15 Конституции РФ).

В настоящее время в отечественной юридической литературе также не сложилось однозначного мнения в отношении способов (форм) согласования. К примеру, С.В. Черниченко различает с точки зрения формы официальную и неофициальную трансформацию, а в отношении юридической техники — инкорпорацию, лигитимацию и отсылку.¹⁰ Л.Х. Мингазов отмечает, что “в практике государств используются различные способы и средства имплементации в форме отсылки, инкорпорации, трансформации”.¹¹ Р.А. Мюллерсон пишет об инкорпорации и отсылке как способах согласования норм международного и внутригосударственного права.¹² А.С. Гавердовский замечает следующие формы имплементации норм международного права: рецепцию, инкорпорацию, отсылку.¹³

Представляется, что действующее законодательство РФ, как и практика, дает возможность говорить о двух основных формах (способах) согласования международного и внутригосударственного права: отсылке и инкорпорации.

Как справедливо подчеркивает Р.А. Мюллерсон, “когда государство принимает на себя международно-правовые обязательства, и нормы, содержащиеся в них, предполагается использовать при регулировании внутригосударственных отношений, то возможны два основных варианта помощи национального права... Государство может включить в свое национальное законодательство норму, которая отсылает субъектов внутригосударственного права к правовым моделям, сформулированным в нормах международного права. Этот способ согласования принято называть отсылкой. Второй возможностью является принятие государством норм национального законодательства. Так как в этой ситуации вводятся новые нормы внутригосударственного права, то этот способ именуют инкорпорацией”.¹⁴

В соответствии с п. 3 ст. 5 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации” “положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты”.¹⁵ Следовательно, законодатель допускает положение, согласно которому на территории Российской Федерации возможно как непосредственное действие меж-

дународного договора, так и реализация международно-правовых норм посредством издания конкретизирующих внутригосударственных правовых актов. В первом случае подразумевается отсылка, а во втором — инкорпорация.

Правотворческая практика государств указывает на существование нескольких форм (видов) отсылок.

Отсылка может относиться ко всему международному праву, к какому-либо виду источников международного права или к определенной категории норм международного права.

Конституция США предусматривает, что международные договоры являются частью права страны. В силу ст. VI Конституции США “все международные договоры, которые заключены или будут заключены от имени Соединенных Штатов, являются высшим правом страны”.¹⁶ Согласно ст. 55 Конституции Франции “международные договоры или соглашения, должным образом ратифицированные или одобренные, имеют силу, превышающую силу закона, с момента опубликования, при условии применения каждого соглашения или договора другой стороной”.¹⁷ В отличие от Конституций США и Франции, Конституция ФРГ объявляет частью права Федерации общие нормы международного права. Статья 25 Конституции ФРГ гласит “общие нормы международного права являются составной частью права Федерации. Они имеют преимущество перед законами и непосредственно порождают права и обязанности для жителей федеральной территории”.¹⁸ Конституция Российской Федерации предусматривает составной частью правовой системы России международные договоры и общепризнанные принципы и нормы международного права.

Другая форма отсылки — к части (отрасли) международного права, регулирующей определенные отношения. В силу п. 2 ст. 7 Гражданского кодекса РФ “международные договоры РФ применяются к гражданским правоотношениям непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание внутригосударственного акта”.¹⁹

Представляется, что возможно говорить также о двух категориях отсылочных норм: материальных и процессуальных.²⁰

Как было выше показано, норма национального законодательства может объявлять международно-правовые нормы частью права страны. В этом случае можно говорить о материальных отсылочных нормах. Однако, норма, предусмотренная внутригосударственным правом, может быть направлена и на решение процессуального вопроса: нормой международного права или национально-правовой нормой надлежит руководствоваться правоприменителю при возникновении несоответствия между ними. Гражданский кодекс РФ содержит материальную и процессуальную отсылочные нормы. Кодекс о браке и семье РФ предусматривает только процессуальную отсылочную норму. В соответствии со ст. 6 Кодекса “если международным договором РФ установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены семейным законодательством, применяются правила международного договора”.²¹

Сущность отсылки состоит в указании национального закона на то, что отношения, возникшие или возникающие между субъектами наци-

онального права, должны регулироваться правовыми моделями, содержащимися в нормах международного права, тем самым происходит согласование.²² Как справедливо подчеркивает А.С. Гавердовский, “такое указание закона отнюдь не может рассматриваться в качестве санкции на непосредственное действие норм международного права”.²³

Нормы международного права могут регулировать только межгосударственные отношения. Несмотря на то, что отношения между субъектами внутригосударственного права подпадают под регулирование международного права, данные отношения не становятся межгосударственными.

Как было выше отмечено, профессор С.В. Черниченко рассматривает отсылку как вид трансформации. Однако, профессор Р.А. Мюллерсон подчеркивает, “отсылка во всех случаях не трансформирует нормы одной правовой системы или отрасли права в нормы другой системы или отрасли”.²⁴ О какой трансформации может идти речь, если во внутригосударственной нормативной системе не появляется новых правовых норм? В силу известного конституционного положения российского законодательства международные договоры становятся частью именно правовой системы, а не внутреннего законодательства. Отсылка не создает нового внутригосударственного нормативного акта и новой нормы национального права, а наделяет положения, предусмотренные в источнике международного права, юридическим свойством регулировать отношения с участием субъектов национального права. В противном случае мы были бы вынуждены признавать международный договор, действие которого в рамках национальной нормативной системы опосредуется отсылкой, частью законодательства страны со всеми вытекающими последствиями.

С.В. Черниченко указывает, что “отсылка... к правилам международного договора не ведет к полному отражению во внутригосударственном праве, полному “копированию” всех элементов международно-правовых норм, закрепленных в договоре. Возникающая в результате норма внутригосударственного права не будет и не может быть полностью... внешне идентична “копируемой” международно-правовой норме”.²⁵ Однако, если во внутригосударственном праве непосредственно происходит копирование международно-правовых норм и, следовательно, создание национальных норм, то в этом случае необходимо говорить об инкорпорации, а не отсылке. В результате отсылки не возникает самостоятельного внутригосударственного нормативного акта. Более того, Конституция РФ объявляет международные договоры и общепризнанные нормы частью именно правовой системы, а не права страны, тем самым отрицая какую-либо возможность появления в результате отсылки внутригосударственных норм. Таким образом, при отсылке отсутствуют какие-либо элементы трансформации норм международного права в нормы внутригосударственного права.

Отсылка может применяться при регулировании международных отношений негосударственного характера (гражданско-правовые отношения с “иностраным элементом”), а также чисто внутригосударственных отношений.²⁶ Представляется, что определение характера регулируемых отношений имеет значение для последствий применения

процессуальной отсылочной нормы. Что же происходит с законом, если правила международного договора противоречат правилам, содержащимся в законе?

Если договор регулирует международные отношения негосударственного характера, то правила договора необходимо рассматривать как специальную норму, а правила закона — как общую. Согласно общим принципам права специальная норма отменяет общую. В этой ситуации положения закона продолжают действовать, однако, в конкретной ситуации приоритет в применении отдается специальной норме, предусмотренной в международном договоре. Как справедливо отмечает профессор Т.Н. Нешатаева, “специальное правило международного договора рассчитано на конкретную ситуацию, конкретных участников правоотношения, ограничено во времени и пространстве и... не может претендовать на роль правил, изменяющих российское законодательство в общем порядке”.²⁷

К примеру, как следует из Венской конвенции о международной купле-продаже товаров 1980 года, указанная Конвенция применяется к отношениям сторон, находящихся в различных государствах. Купля-продажа товаров, как известно, определяется также нормами гражданского законодательства Российской Федерации, включая Гражданский кодекс. Однако, Гражданский кодекс РФ не содержит положений, специально регулирующих международную куплю-продажу товаров. В случае, если предмет судебного рассмотрения будет внешнеэкономическая сделка, действие которой было подчинено российскому праву, то суд обязан применить положения Венской конвенции, являющиеся специальными по отношению к нормам, предусмотренным гражданским кодексом РФ. При рассмотрении дела в порядке надзора Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ указал, что “арбитражный суд при разрешении спора, вытекающего из внешнеэкономической сделки, регулируемой по соглашению сторон российским правом, но отношения по которой подпадают под действие международного договора, участником которого является Российская Федерация, руководствуется в силу п. 4 ст. 15 Конституции РФ (ст. 7 ГК РФ) нормами международного договора. Вопросы, не урегулированные международным договором, регулируются российским правом”.²⁸ Следовательно, в указанной ситуации правила договора не отменяют закон в буквальном смысле, а применяются согласно одному из общих принципов права: *lex specialis derogat lex generalis* (специальный закон отменяет общий — лат.).

Иная ситуация складывается, когда участники договора решили распространить регулирующие свойства положений, содержащихся в международном договоре, на внутригосударственные отношения.²⁹

Здесь правила договора отменяют правила закона, которые не подлежат применению ни при каких условиях. К примеру, Женевская конвенция о простом и переводном векселе 1930 года содержит нормы, одной из целей которых является оказание единообразного регулирующего правового воздействия на отношения с участием субъектов национального права в рамках одного государства. Если внутренний закон содержал бы правила, отличные от положений Конвенции, то применению подлежали правила Конвенции, которые, в свою очередь, отме-

нили бы действие соответствующих норм закона. Необходимо подчеркнуть, что сам договор не может отменить закон, так как они являются источниками самостоятельных нормативных систем. Однако, национальное законодательство с помощью отсылки наделяет правовые модели, содержащиеся в договоре, свойством отменить тот или иной закон, противоречащий международно-правовым нормам. Может возникнуть впечатление, что нормы договора приводят к недействительности положений закона. Но действующее российское законодательство не допускает возможности признания положений, содержащихся в законе, недействительными. К примеру, Конституционный Суд РФ, установив, что положения закона противоречат конституционным положениям, признает соответствующие положения закона неприменимыми, но не недействительными.

Нельзя согласиться с мнением Р.А. Мюллерсона, утверждающего, что “было бы нецелесообразным применять отсылку к международному договору, когда речь идет о регулировании внутригосударственных отношений”.³⁰ По его мнению, нормы договора, имеющие целью достижения определенного урегулирования внутригосударственных отношений, и режим, создаваемый нормами национального права для регулирования аналогичных отношений, полностью перекрывают друг другу, и, следовательно, их соотношение, в случае возникновения коллизии, должно подчиняться принципу: позднейший закон отменяет более ранний. Однако, как известно, данный принцип может привести к ситуации, когда государство с помощью принятия соответствующего внутригосударственного акта сможет освободить себя от международно-правового обязательства, что противоречило бы общепризнанной норме международного права, касающейся добросовестного выполнения обязательств по международному праву. Представляется, что неприменение материальной отсылки к международным договорам, имеющим целью урегулирование внутригосударственных отношений, не соответствовало бы духу Конституции РФ в целом и п. 4 ст. 15 Конституции, в частности.

Вторым способом согласования норм международного и внутригосударственного права является инкорпорация. Здесь на основе и во исполнение международно-правовых обязательств непосредственно издаются, изменяются или прекращаются внутригосударственные правовые нормы.³¹

В результате инкорпорации издаются внутригосударственные нормативные акты, которые становятся частью законодательства Российской Федерации. Эти акты содержат не нормы международного права, а нормы внутреннего права, созданные во исполнение международно-правовых обязательств России. К примеру, если суд применяет Положение о переводном и простом векселе, утвержденное Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 июня 1991 года,³² изданное в полном соответствии с Женевской конвенцией о простом и переводном векселе, то в этом случае применяются правила, предусмотренные внутригосударственным нормативным актом, а не международным правом.

Как известно, договоры, предусматривающие только рамки, в пределах которых государства осуществляют внутригосударственное правотворчество с целью урегулирования отношений с участием субъектов

национального права, не могут применяться внутри страны посредством отсылки. Если нормы международного права позволяют определить содержание правоотношений, включая конкретные права и обязанности субъектов национального права, то такие нормы могут применяться посредством отсылки, в противном случае требуется издание конкретизирующего законодательства. Данное положение нашло отражение в праве России.³³

Детальные правовые модели поведения, предусмотренные источниками международного права, могут с помощью отсылочной нормы национального права обладать свойством регулировать соответствующие отношения с участием граждан и юридических лиц. Необходимо иметь в виду, что отсутствие в международном договоре конкретных правил поведения, способных оказывать регулирующее воздействие на отношения с участием субъектов национального права, не означает, что данный договор не подлежит выполнению государственными органами. Согласно ст. 32 Закона о международных договорах РФ «Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации принимают меры на обеспечение международных договоров Российской Федерации».³⁴ Профессор И.И. Лукашук указывает, что «принимаемые меры могут включать в себя создание предусматриваемых договорами органов и организаций, выделение необходимых финансовых и материальных ресурсов, производство определенных работ, осуществление иных действий или, наоборот, воздержание от их совершения и др.»³⁵

Таким образом, государственные органы в пределах предоставленных им полномочий, наряду с принятием иных мер, направленных на реализацию международно-правовых обязательств, осуществляют инкорпорацию норм международного права, конкретизируя и адаптируя обязательства Российской Стороны к условиям правовой системы России.

Государства включают в международные соглашения детализированные правила поведения для того, чтобы они применялись и толковались единообразно во всех договаривающихся государствах. В этой ситуации необходимо применять отсылку как способ согласования. А.С. Гавердовский пишет, что «в форме инкорпорации во внутригосударственное право внедряются преимущественно различные технические, медико-санитарные, административные нормы, правила, регулирующие международные воздушные и морские сообщения».³⁶ Как известно, до принятия Конституции РФ 1993 года в законодательстве России отсутствовала общая материальная отсылочная норма, объявляющая международные договоры частью правовой системы нашей страны. Отсутствие такой нормы всегда требовало осуществления инкорпорации международно-правовых норм в законодательство нашего государства. Однако, в связи с принятием такой нормы в 1993 году отпала необходимость в инкорпорации детализированных норм. Безусловно, применение именно отсылки, как способа согласования международных и национальных норм, к конкретным, четким международно-правовым правилам ведет к более эффективной реализации Россией ее международных обязательств.

Профессор С.В. Черниченко понимает под «инкорпорацией» «фор-

мальное включение норм международного договора во внутреннее право государства посредством включения самого договора в его законодательство... По существу принимается новый закон или подзаконный акт, полностью внешне идентичный международному договору, повторяющей его название, структуру, формулировки".³⁷ Однако, если посредством инкорпорации принимается практически идентичный соответствующему источнику международного права внутригосударственный правовой акт, то для чего существует отсылка? Целесообразно ли в этом случае с точки зрения эффективности реализации норм международного права использовать именно инкорпорацию, а не отсылку?

Таким образом, инкорпорация норм международного права в законодательство России, наряду с отсылкой, является одним из важнейших способов согласования норм международного и национального права, заключающимся в издании государством внутригосударственных нормативных актов с целью реализации своих международно-правовых обязательств.

¹ Усенко Е.Т., Советский ежегодник международного права, 1977, стр. 57.

² Черниченко С.В., Международное право: современные теоретические проблемы, М., Международные отношения, 1993, стр. 110.

³ Международное право, под ред. Колосова Ю.М. и Кузнецова В.И. М., Международные отношения, 1998, стр. 10.

⁴ Мюллерсон Р.А., Соотношение международного и национального права, М., Международные отношения, 1982, стр. 25.

⁵ Мюллерсон Р.А., см. там же, стр. 56.

⁶ Черниченко С.В., см. выше, стр. 26.

⁷ Мюллерсон Р.А., см. выше, стр. 56.

⁸ Гавердовский А.С., Имплементация норм международного права, Киев, 1980, стр. 49.

⁹ Буткевич В.Г., см. сноску 1, стр. 46.

¹⁰ Черниченко С.В., см. выше, стр. 132—146.

¹¹ Мингазов Л.С., см. сноску 1, стр. 187—199.

¹² Мюллерсон Р.А., см. сноску 4, стр. 58.

¹³ Гавердовский А.С., см. выше стр. 62—90.

¹⁴ Мюллерсон Р.А., см. выше, стр. 59.

¹⁵ Собрание законодательства РФ, 1995, № 29, ст. 2757.

¹⁶ Конституции зарубежных государств, М., 1992, стр. 35—36.

¹⁷ Конституции зарубежных государств, стр. 92.

¹⁸ Конституции зарубежных государств, стр. 152.

¹⁹ Собрание законодательства РФ, 1994, № 32, ст. 3301.

²⁰ Отсылка является нормой права. Согласно общей теории права нормы права подразделяются на материальные и процессуальные (см. Венгеров А.Б., Теория государства и права, М., Новый Юрист, 1998, стр. 446). Материальная норма обеспечивает регулятивные и охранительные функции права. Процессуальная норма определяет процедуру применения материальных норм. Представляется, что данная классификация норм права дает нам возможность говорить о двух категориях отсылочных норм: материальных и процессуальных.

²¹ Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 1, ст. 16.

²² К примеру, положения Венской конвенции о договорах международной

купли продажи товаров действуют и применяются в Российской Федерации к отношениям с участием субъектов национального права благодаря *отсылочной* норме Конституции РФ, а также отраслевой отсылке (ст. 7 Гражданского кодекса РФ).

²³ *Гаввердовский А.С.*, см. там же, стр. 90. Необходимо подчеркнуть, что о непосредственном действии норм международного права можно говорить условно, принимая во внимание то обстоятельство, что государством в каждом отдельном случае не принимаются внутригосударственные инкорпорационные нормативные акты.

²⁴ *Мюллерсон Р.А.*, см. выше, стр. 61.

²⁵ *Черниченко С.В.*, см. выше, стр. 138.

²⁶ Ряд юристов-международников (к примеру, *Р.А. Мюллерсон*) подразделяют социальные отношения на три вида: а) межгосударственные отношения; б) международные отношения негосударственного характера (гражданско-правовые отношения с "иностранным элементом"); в) внутригосударственные отношения. Первый вид отношений регулируется исключительно международным правом. Второй и третий виды — национальным законодательством, однако, нормы международного права в известных случаях могут оказывать регулятивное воздействие на эти отношения.

²⁷ *Т.Н. Нешатаева*, Иностранцы предприниматели в России. Судебно-арбитражная практика, М., 1998, стр.30.

²⁸ Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 1998, № 4, стр. 38—56.

²⁹ В данной ситуации регулирующее воздействие норм договора может быть направлено одновременно как на внутригосударственные отношения, так и международные отношения негосударственного характера. К примеру, Женевская конвенция о простом и переводном векселе регулирует отношения, связанные с выдачей, передачей и погашением векселей. Однако, может возникнуть ситуация, когда векселедержатель и векселедатель будут находиться не в пределах одного государства, а в разных государствах. Это ведет к возникновению международных отношений негосударственного характера, которые также попадают под регулирующее воздействие норм указанной Женевской конвенции.

³⁰ *Мюллерсон Р.А.*, см. выше, стр. 67.

³¹ К примеру, положения Женевской конвенции о единообразном законе о переводном и простом векселе 1930 года после присоединения СССР к данному международному договору были инкорпорированы во внутригосударственное законодательство с помощью принятия Постановления от 7 августа 1937 года "О введении в действие положения о переводном и простом векселе". Опубликовано: "Свод законов СССР", т. 5, ст. 586.

³² См., Ценные бумаги. Нормативные акты и документы, М., Юридическая литература, 1994, стр. 68—85.

³³ Как было уже выше отмечено, в силу п. 3 ст. 5 Закона "О международных договорах Российской Федерации" "правила, содержащиеся в международных договорах и не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных правил международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты." Собрание законодательства РФ, 1995, № 29, ст. 2757.

³⁴ Собрание законодательства РФ, 1995, № 29, ст. 2757.

³⁵ Комментарий к Федеральному закону "О международных договорах Российской Федерации", М., 1996, стр. 93.

³⁶ *Гаввердовский А.С.*, см. выше, стр. 81.

³⁷ *Черниченко С.В.*, см. выше, стр. 133—134.

Статья поступила в редакцию в марте 2000 года.